

Ольга Шиллинг
Евгения Близкая

ШЕЙХ.
Переведи меня
в жёны

Евгения Близкая
Ольга Шиллинг
Шейх. Переведи меня в жёны

<https://litres.ru/74554293>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она приехала учить принцесс — а осталась повелевать гаремом.

Анна Бестужева, блестящий лингвист, попадает в закрытый мир восточного дворца, где женщины не смеют поднять глаз. Но она не собирается покоряться. Интриги, покушения, запретная любовь к самому шейху — и древняя клятва, которую имеет право произнести лишь будущая королева. Сможет ли чужеземка завоевать трон и сердце правителя? Читайте захватывающий роман о страсти, власти и женщине, изменившей вековые традиции.

Содержание

Глава 1. Чужеземка	5
Глава 2. Мои правила	12
Глава 3. Ночной вызов	20
Глава 4. Дар правителя	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ольга Шиллинг Шейх. Переведи меня в жёны

Шейх. Переведи меня в жёны

Ольга Шиллинг

Евгения Близкая

Глава 1. Чужеземка

Я перехватила ручку чемодана и шагнула из прохладного внедорожника в белый полуденный жар.

Жара обрушилась на плечи осязаемой, плотной стеной раскаленного белого песка и сухого воздуха. Воздух дрожал над асфальтом, смазывая горизонт в зыбкое марево. Но стоило тяжелым стеклянным дверям дворцового комплекса сомкнуться за моей спиной с едва слышным щелчком пневматического замка, как безжалостная пустыня мгновенно отступила. Ее сменил ледяной, почти хрустальный, глубоко очищенный воздух мощных скрытых климатических систем, заставивший кисти рук покрыться мурашками.

Главный холл закрытого женского крыла подавлял своим размахом и музейной тишиной. Зеркальные мраморные полы кремового оттенка с прожилками янтаря отражали сияние огромных каскадных люстр из богемского хрусталя. Высокая потолочная лепнина, покрытая сусальным золотом, искусно переплеталась с геометрическими арабскими орнаментами. Тяжелые портьеры из темного дамасского шелка падали до самого пола, подчеркивая вековую незыблемость и герметичность этого мира. Все здесь открыто заявляло о невероятных богатствах, абсолютной власти правящей династии и строжайших традициях, в пределы которых я посмела ступить с одним лишь европейским багажом. Мой скромный

чемодан на колесиках и рабочая кожаная папка смотрелись на этом зеркальном мраморе вызывающе чужеродными артефактами.

— Ваше имя? — голос, раздавшийся справа, прозвучал сухо и холодно, словно скрип металлического засова.

Передо мной стояла старшая распорядительница покоев — высокая арабка строгой выправки в глухом, ниспадающем до самого пола платье цвета ночного неба. Ее пронизательный, оценивающий взгляд скользнул по моему сдержанному брючному костюму графитового оттенка, тонкой шелковой блузке и собранном в строгий узел волосам. На тонких, плотно сжатых губах проступило явное пренебрежение.

— Анна Бестужева. Личный преподаватель классических и современных языков, — я выпрямила спину, расправив плечи и удерживая безупречную осанку, несмотря на многочасовой изматывающий перелет из Европы.

— Очередная наемная наставница. Ясно, — женщина нарочито пренебрежительно отвела электронный планшет со списком прибывших в сторону. — Следуйте за мной.

Она указала длинным пальцем с темным маникюром в сумрачную глубину бокового хозяйственного коридора, уводившего далеко в сторону от парадного мраморного холла.

— Помещения для низшей прислуги. Третья комната по правому ряду за бельевыми складами. Окна выходят в глухой вентиляционный колодец, отдельный кондиционер для этой категории персонала штатным регламентом не преду-

смотрен.

В Дубае в этот полуденный час термометры показывали сорок два градуса в тени. Оказаться запертой в каменном душном мешке без малейшего притока охлажденного воздуха сулило ночь мучительной духоты, после которой пришлось бы просить переселения. За предложением угадывался расчет: сломать иностранку в первые же полчаса, указать на низшую ступень дворцовой иерархии и вынудить просить о пощаде.

— Мне обещаны другие покои, — я поставила чемодан рядом с собой и осталась посреди холла.

Слуги, до этого момента бесшумно скользившие вдоль стен с серебряными кувшинами и свежими полотенцами, вдруг синхронно замерли, опустив головы к мрамору. Пространство холла наполнилось густым, смолистым, дурманящим ароматом черного камбоджийского уда, дикой розы и серой амбры. Массивные резные двери из мореного тика распахнулись, пропуская процессию, и в зал медленно, с царственным величием ступила Шейха Салама бинт Султан.

Валиде. Мать правящего монарха и верховная госпожа женской половины дворца. Ее фигуру облекал струящийся глухой шелк глубокого сапфирового оттенка, расшитый по вороту драгоценными камнями. На смуглых запястьях тяжело позвякивали массивные золотые браслеты древней чеканки, а лицо, полускрытое легкой шелковой вуалью, хранило выражение надменной силы.

Она прошествовала через холл, глядя сквозь меня, словно на моем месте расстилалась пустота дворцового пола.

— Эту чужеземку, — голос Шейхи Саламы был негромким, бархатным, но потрясающая акустика высоких сводов разнесла его до последнего уголка, — немедленно отправить в крыло прачек. В самую дальнюю глухую каморку. Пусть помнит свое истинное место и дышит пылью.

Распорядительница раболепно склонилась в полупоклоне, а двое массивных стражников в традиционных туниках шагнули вперед, намереваясь подхватить мой чемодан и силой увести меня в служебный блок.

В груди вспыхнула холодная, звенящая собранность. Я сохранила абсолютно бесстрастное выражение лица, прекрасно зная закон восточного двора: слезы, растерянность или эмоциональный срыв здесь приравниваются к безоговорочной капитуляции. Неторопливо я расстегнула молнию своей кожаной папки и извлекла плотный лист веленовой бумаги с золотым гербовым тиснением и витыми каллиграфическими вензелями.

— Позвольте обратить ваше августейшее внимание на официальный государственный декрет, госпожа Салама, — мой голос зазвучал звонко, чисто и неожиданно властно, заставив стражников замереть на месте.

Я обратилась к матери правителя на высочайшем классическом арабском языке — священной фусхе, языке древних религиозных откровений, философских трактатов и вы-

сокой бедуинской поэзии, которому я посвятила лучшие годы университетской жизни.

— Положение о статусе главного наставника принцесс правящего дома, — я смотрела прямо в темные, надменно прищуренные глаза Шейхи Саламы, чеканя каждое слово с идеальной фонетической точностью. — Пункт первый, раздел четвертый: «Именитая наставница принцесс прибывает во дворец в статусе личной почетной гостьи правящей династии и обеспечивается апартаментами высшей категории в гостевой галерее с индивидуальным климатическим контролем и полным доступом к культурным ресурсам резиденции». Документ скреплен печатью канцелярии Шейха Тарика Аль-Мактума.

В огромном холле повисла мертвая, осязаемая тишина. Было слышно, как мерно капает вода в декоративном мраморном фонтане у входа. Плечи старшей распорядительницы мелко задрожали от ужаса перед возможным гневом госпожи.

Шейха Салама застыла посреди зала. Это был удар колоссальной разрушительной силы: я дала публичный отпор на языке предков, которым мать шейха встретила меня лишь минуту назад. Распорядительница смотрела на мои губы так, словно я держала возле них обнаженный клинок.

Мать шейха медленно повернула ко мне голову. Сквозь полупрозрачную шелковую ткань ее вуали сверкнул взгляд, полный ядовитого холода и затаенной ненависти. Но откры-

то пойти против письменного декрета, изданного канцелярией ее царственного сына, означало совершить бунт против главы государства на глазах у десятков свидетелей. Шейха Салама презрительно дернула запястьем, отгоняя стражников, и молча проплыла в свои внутренние покои, хлопнув резными тиковыми дверями.

— Проводите меня в гостевую галерею, — повернулась я к побелевшей распорядительнице. Та лишь испуганно закивала головой, спеша подхватить мои вещи.

Предоставленные мне покои оказались просторными, прохладными и наполненными мягким рассеянным светом. Высокие арочные окна, прикрытые ажурными деревянными решетками-машрабиями, выходили в тенистый внутренний сад, где среди пышных пальм звенели мраморные фонтаны. В спальне стояла широкая кровать из темного дерева под пологом, рабочий стол и глубокие кресла. Быстро освежившись прохладной водой и сменив деловой костюм на строгое длинное платье с закрытыми плечами и высоким воротником, я взяла рабочие тетради и отправилась на свой первый урок. До начала занятий оставалось пятнадцать минут.

Путь к учебному классу пролегал через анфиладу мраморных галерей, украшенных мозаичными панно из смальты и лазурита. Мягкие персидские ковры полностью глушили звуки шагов. На одном из широких поворотов дороге мне внезапно перегородила молодая женщина ослепительной восточной стати. На ней было вызывающе дорогое шелковое

платье изумрудного цвета, расшитое золотой канителью, а смоляные волосы водопадом падали на хрупкие плечи. Шейха Ясмин Аль-Мактум. Двоюродная сестра правителя. По словам нанимавшего меня секретаря, она с детства рассчитывала стать главной супругой Шейха Тарика.

Она сделала шаг вперед, сокращая дистанцию, и меня обдало волной удушливого, сладкого парфюма с нотами туберозы и мускуса.

— Твое место на пороге кухни, чужеземная выскочка, — прошипела она на чистом английском, сверкая хищными черными глазами. — Я запрещаю тебе ступать на ковры парадных галерей. Будешь передвигаться по дворцу мелкими шажками вдоль стен, пряча лицо и не смея поднимать глаз.

Я встретила ее полный злобы взгляд и глубоко вдохнула сквозь удушливый запах туберозы.

— График занятий утвержден верховной канцелярией правителя, — ответила я мягко, но с несгибаемой твердостью. — Прошу освободить коридор. Урок начинается через четыре минуты.

— Ты никуда не пойдешь, — Ясмин торжествующе усмехнулась, обнажив ровные белые зубы.

По ее щелчку из боковой ниши выросли двое широкоплечих стражников гарема в парадной форме. Скрестив руки на широкой груди, они сомкнули строй, образовав живую стену между мной и дверями класса.

Глава 2. Мои правила

Я повернулась на каблуках, оставляя Ясмин с ее охраной. На присланной мне перед приездом схеме этажа был отмечен служебный проход: за второй колонной виднелась неприметная створка технического выхода. Скользнув за дверь, я оказалась на чистой винтовой лестнице, предназначенной для технического персонала. Спустившись на нижний уровень и миновав служебную галерею, я поднялась по противоположному пандусу и подошла к дверям класса ровно за шестьдесят секунд до назначенного времени.

Толкнув резные дубовые створки, я шагнула в залитый солнцем класс.

Три сестры шейха — семнадцатилетняя Шейха Марьям, пятнадцатилетняя Шейха Дана и тринадцатилетняя Шейха Нура — сидели за широкими партами из выбеленного дуба. Они были разодеты в шелка и драгоценности, но вели себя как избалованные подростки в закрытом пансионе: каждая из них была с головой погружена в экран последней модели смартфона, полностью игнорируя мое присутствие. По залу разносились звуки модных видеороликов и легкомысленные смешки.

Я прошла к учительскому столу, аккуратно разложила учебные материалы, открыла журнал и выдержала долгую, десятисекундную паузу. Принцессы продолжали листать ви-

део.

Тогда я плавной походкой подошла к первой парте. Я протянула руку и забрала телефон прямо из пальцев старшей, Шейхи Марьям, опустив аппарат на мягкое дно своей сумки. Прежде чем девочки осознали происходящее, я повторила то же самое с устройствами Шейхи Даны и Шейхи Нуры.

— Ты что себе позволяешь?! — взвизгнула младшая, тринадцатилетняя Шейха Нура, подскочив с места и сжимая маленькие кулачки. — Ты обычная прислуга на зарплате! Немедленно верни наши вещи, иначе я велю выбросить тебя в залив!

— Занятие началось, — я вернулась к доске, окинув разгневанных принцесс ледяным, пронизательным взглядом педагога. — Любое нарушение порядка на уроке карается лишением связи сроком на одну неделю. Правило едино для всех, независимо от знатности рода.

Сестры возмущенно вскрикнули, вскочили со стульев и бросились в распахнутые двери к двум стражникам, дежурившим на внешнем посту.

— Схватите ее! Она украла наши телефоны! — кричала Нура, указывая на меня пальцем.

Охранники неловко переглянулись. Старший караула сделал шаг через порог, но встретил мой прямой, абсолютно непоколебимый взгляд. Я держала голову высоко: назначение наставницей давало мне право вести урок. Я подняла перед ними лист с печатью канцелярии. Старший прочел пер-

вые строки, и его рука замерла у пояса. Они синхронно опустили глаза, попятились назад и осторожно прикрыли створки дверей снаружи.

Шейха Марьям первая осознала необратимость происходящего. Будучи самой рассудительной, она тронула сестер за плечи, остановив поток брани, и молча вернулась на свое место. Дана и Нура, сердито сопя и вытирая слезы обиды, нехотя сели за парты.

Я открыла хрестоматию. Сестры вслед за мной склонились над первым стихотворением. К концу урока даже Нура следила за строкой пальцем.

На следующее утро, когда я подошла к учебному классу, путь преградила толстая бархатная лента алого цвета с бронзовой табличкой: «Аудитория закрыта на внеплановые репрезентационные работы».

Вдоль стены переминались с ноги на ногу двое слуг в белых одеждах. Они старательно избегали моего взгляда, пряча кривые усмешки. План Шейхи Ясмин стал очевиден: сорвать учебный процесс, спровоцировать меня на публичную жалобу, обвинить в некомпетентности и добиться немедленного расторжения договора.

— В какое крыло перенесены занятия с принцессами? — спросила я старшего служителя.

— Никаких указаний от госпожи Ясмин не поступало, — с фальшивым сочувствием пробормотал тот.

До начала урока оставалось пятнадцать минут. Тратить

время на бесполезные препирательства с мелкими исполнителями было ниже моего достоинства. Если они лишили меня аудитории — я создам ее сама.

Быстрым, решительным шагом я двинулась по запутанным переходам старого северного крыла. Старое крыло примыкало к новой резиденции, и его галереи успели превратиться в лабиринт редко посещаемых залов. Спустя десять минут поисков, в глубине галереи, я обнаружила тяжелые двустворчатые двери из темного мореного дуба с позеленевшей бронзовой чеканкой. Одна створка подалась под моей ладонью.

Толкнув створку, я шагнула внутрь и замерла от восхищения. Это была старинная библиотека рода. Стрельчатые своды уходили в полумрак, стены до потолка были заполнены рядами резных стеллажей со старинными манускриптами и фолиантами в кожаных переплетах на арабском, персидском и старофранцузском языках. В центре просторного зала высился массивный стол из цельного спила красного дерева, покрытый толстым слоем серой пыли.

Идеальное место для постижения мудрости.

Сбросив сумку на широкий каменный подоконник, я вышла в коридор, перехватила молодого уборщика с тележкой, молча забрала у него оцинкованное ведро со свежей водой и хлопковые салфетки и вернулась в тишину библиотеки.

Закатав рукава шелковой блузки, я принялась методично и яростно отмывать полированное дерево. Горячая вода

с мылом снимала серый налет запустения, обнажая роскошную, огненную текстуру красного дерева. Мои руки работали слаженно и быстро. Каждым движением салфетки я отвоёвывала себе место, где смогу учить девочек.

Через несколько минут я расчистила середину стола для книг. Едва я успела вытереть ладони, как тяжелые двери с оглушительным треском распахнулись от пинка. На пороге возникла Шейха Ямин. Ее лицо было перекошено от дикой, клокочущей злобы. За ее спиной стояли четверо рослых гвардейцев в парадной форме.

— Как ты посмела ворваться в родовое книгохранилище?! — закричала она срывающимся фальцетом, тыча в меня униженным кольцами пальцем. — Стража, выбросьте ее европейские тряпки в мусорный бак! Немедленно очистить священный зал от чужеземки!

Охранники тяжело шагнули вперед, готовясь исполнить приказ.

Сделав три быстрых, пружинистых шага вперед, я ухватилась за массивные бронзовые кольца дубовых створок и с силой захлопнула двери прямо перед носами наступающих гвардейцев. Гулкий, раскатистый удар сотряс стены зала. В то же мгновение я опустила тяжелый кованый засов, намертво отрезая библиотеку от внешнего коридора.

Снаружи раздался яростный вопль Ямин, а затем в массивное дерево посыпались сокрушительные удары кулаков и сапог. Засов задрожал, но вековой дуб стоял насмерть.

Я извлекла телефон, набрала короткий номер прямой экстренной связи с приемной верховного правителя и активировала громкую связь, прижав динамик к замочной скважине.

— Канцелярия Его Высочества Шейха Тарика, дежурный старший секретарь слушает, — раздался в трубке безупречно вежливый, холодный мужской голос.

— Говорит Анна Бестужева, личный королевский наставник сестер правителя, — я говорила на безукоризненном, твердом арабском, зная, что за дверью ловят каждое мое дыхание. — Прошу официально зафиксировать грубейшее нарушение декрета Его Высочества. Шейха Ясмин пытается сорвать образовательный график принцесс, блокируя аудиторию и пытаясь взломать двери исторической библиотеки с вооруженной охраной. Прошу немедленно доложить Шейху Тарику о саботаже его высочайшего распоряжения.

За дверью удары мгновенно прекратились. Воцарилась тревожная тишина.

Пока я сообщала секретарю, в каком крыле нахожусь, коридор наполнился дробным стуком торопливых шагов и задыхающимся, полным ужаса голосом старшего церемониймейстера дворца, Башира Аль-Хасана:

— Прекратить сию же секунду! — голос управляющего Башира срывался на визг. — Именем закона повелителя, опустить оружие! Госпожа Ясмин, заклинаю вас, отойдите от дверей! Вы срываете высочайший указ правителя! Канцеля-

рия уже ведет протокол инцидента!

Шейха Ясмин яростно прошипела проклятия, но благоразумие пересилило злобу: страх перед гневом правящего кузена вынудил ее спешно ретироваться по коридору, цокая каблуками.

Я плавно подняла кованный засов и распахнула массивные дубовые створки.

Башир Аль-Хасан стоял на пороге, судорожно вытирая крупный пот со лба тонким батистовым платком. Его взгляд метнулся от моего лица к очищенной середине стола из красного дерева и аккуратным стопкам книг.

— Класс закрыт, — сказала я, убирая телефон. — Занятия перенесены в этот зал. Распорядитесь принести письменные приборы и мобильную классную доску. Урок уже должен был начаться. Пришлите сюда принцесс, пожалуйста.

Управляющий Башир тяжело сглотнул, осознав всю несокрушимость моего характера, и с глубоким, искренним поклоном протянул мне на раскрытой ладони старинный латунный ключ с витой бородкой:

— Слушаюсь, госпожа Анна Бестужева. Отныне этот исторический зал официально закреплен за вами для занятий с принцессами.

Пространство для мысли было отвоевано. Мои правила игры начали действовать на территории дворца. Принцессы пришли следом за доской и расселись у освобожденной середины стола.

Библиотека была моей. За стенами этого зала по-прежнему хозяйничала Ясмин.

Глава 3. Ночной вызов

К наступлению сумерек я закрыла последний словарь и направилась на общую кухню прислуги. Усталость давала о себе знать ноющей болью в спине и тяжестью в висках; пропущенный ради каталогизации обед отзывался мучительным голодом. Забирать ужин распорядительница велела именно там, хотя покои пришлось предоставить гостевые.

Кухня встретила меня ревущим жаром раскаленных стальных плит, звоном медных котлов и пьянящими ароматами топленого масла, запеченного ягненка, свежего чеснока и шафрана. Десятки поваров и подсобных рабочих сновали между разделочными столами, выкладывая яства на золоченые блюда для высшей знати.

Я подошла к стойке общей раздачи:

— Добрый вечер. Порцию ужина, пожалуйста, — обратилась я по-арабски.

Молодой повар с блестящим половником в руке поднял на меня глаза и внезапно замер. Его взгляд виновато метнулся к дальней печи, где величественно возвышалась пожилая, дородная женщина в белоснежном поварском тюрбане и накрахмаленном фартуке — тетушка Хадиджа, главная кухарка дворцового комплекса. Тетушка Хадиджа посмотрела на меня с глубокой, материнской грустью, но едва заметно покачала головой, опустив глаза.

— Еда закончилась, — тихо пробормотал парень, заливаясь краской стыда перед огромным казаном с ароматным пловом.

Сзади раздался знакомый ядовитый смешок. В дверях кухни стояла Шейха Ясмин в окружении трех своих служанок. На ней было вечернее шелковое платье, переливающееся стразами, а на губах играла победоносная улыбка. Она явилась лично, чтобы стать свидетельницей моего публичного унижения: голодная европейская наставница, просящая хлеба у прислуги, должна была усладить ее уязвленную гордость.

Ясмин царственной походкой подошла к сервировочному столику, где служанки уже накрыли для нее изысканный фарфоровый сервиз со свежесваренным мятным чаем и фруктами. Взяв чашку из тончайшего костяного фарфора, она вдохнула пар и капризно скривилась:

— Мята горчит. Вылить весь чайник в сточную раковину и приготовить свежий сбор.

Она смотрела мне прямо в зрачки, упиваясь своей властью над каждой крошкой хлеба и каплей воды в этом крыле. Служанка покорно протянула руки к чайнику.

И в эту секунду произошло непредвиденное.

Тетушка Хадиджа сделала нарочито неловкий шаг назад, якобы споткнувшись о край циновки. Ее массивный локоть «случайно» смахнул огромный медный поднос, уставленный пустой глиняной посудой. Поднос с оглушительным, невы-

носимым грохотом рухнул прямо на металлическую раковину, заблокировав слив и едва не отдавив пальцы служанке Ясмин. Глиняные горшки со звоном разлетелись на сотни черепков по каменной плитке.

Визг служанки, гневный вскрик Ясмин и звон металла погрузили кухню в секундный хаос. Все взгляды метнулись к раковине.

Этих трех секунд мне было более чем достаточно.

Сделав один плавный, кошачий шаг к столу кузины, я без малейшей суеты взяла чашку с горячим сладким чаем и хрустальное блюдо с отборными спелыми персиками и крупным виноградом.

Когда задыхающаяся от ярости Шейха Ясмин обернулась, я уже стояла в дверном проеме кухни, держа в руках ее личный десерт.

Я сделала неторопливый глоток обжигающего мятного напитка, глядя ей прямо в глаза:

— Искренне благодарю за щедрое угощение, госпожа Ясмин. Чай превосходен. Приятного вечера.

Я развернулась и с царственным достоинством вышла в коридор, спиной ощущая на себе безмолвные, полные глубочайшего восторга и благоговения взгляды десятков поваров и служанок. Сладкий чай согревал горло, а вес блюда приятно оттягивал руку. Этот ужин я добыла сама.

А глубокой ночью, когда я сидела за столом в своих покоях, в дверь раздался едва слышный тройной стук. Я отвори-

ла дверь. В дальнем конце коридора мелькнул белый поварской тюрбан, а на тканом коврикe стоял массивный серебряный поднос, укрытый вышитой салфеткой. Под ней исходил паром огромный кусок нежнейшей запеченной баранины со специями, рассыпчатый шафрановый рис и горячие лепешки с кунжутом.

Тетушка Хадиджа сделала свой выбор. Отныне на дворцовой кухне у меня был преданный защитник, а значит, у меня появились надежные глаза и уши в самом сердце этой золотой крепости. Следующие вечера серебряный поднос появлялся у моей двери с той же пунктуальностью, с какой я начинала уроки.

К концу первой недели историческая библиотека окончательно превратилась в оазис живой мысли и вдохновения. Тяжелые портьеры были широко распахнуты, утренние солнечные лучи золотили корешки старинных фолиантов, а воздух был наполнен свежестью и легким ароматом сандала.

Урок французской литературы с принцессами давно перестал быть скучной формальностью. Мы стояли в центре зала, передавая из рук в руки небольшой теннисный мяч, отрабатывая спонтанный перевод и поэтический ритм:

— L'amour est... — я легко бросила мяч младшей, Шейхе Нуре.

— Une fumée! — звонко подхватила тринадцатилетняя девочка, молниеносно находя арабский аналог: — Любовь — это дым!

Она с заразительным смехом отправила мяч средней сестре, Шейхе Дане:

— *Faite de la vapeur des soupirs!* — восторженно откликнулась пятнадцатилетняя Дана, сияя глазами. — Сотканный из пара вздохов!

Библиотека огласилась искренним, счастливым девичьим смехом. Девочки на лету переводили сложнейшие строки Шекспира с французского на арабский, искренне наслаждаясь красотой слова. Лед отчуждения между нами окончательно растаял.

Смех оборвался в одно мгновение, словно срезанный острым клинком.

Тяжелые тиковые двери библиотеки бесшумно отворились, впуская волну ледяного воздуха. В проеме выросла монументальная фигура Шейха Тарика Аль-Мактума.

Я впервые видела правителя на таком близком расстоянии. Высокий, широкоплечий, с хищной пластикой воина, он был облачен в безупречно сшитый темно-серый костюм от лучших европейских портных, который подчеркивал мощь его мускулатуры. От него исходила подавляющая, почти осязаемая гравитация абсолютной власти. Он заполнил собой все пространство зала. Принцессы мгновенно опустили глаза в пол, вытянувшись по струнке, словно перед высшим судом. Теннисный мяч глухо выпал из пальцев Даны и замер у моих ног.

Шейх Тарик неслышной поступью приблизился ко мне.

Он возвышался надо мной, вынуждая слегка приподнять подбородок, чтобы встретить его взгляд. Его пронзительные, угольно-черные глаза были холодными и острыми, как дамасская сталь. Он изучал меня с пристальным расчетливым интересом ученого, исследующего неизвестную стихию.

— Вы обучаете моих сестер легкомысленным виршам о плотской страсти, — заговорил он низким, вибрирующим баритоном на безукоризненном французском с аристократическим парижским прононсом. — Как типично для европейского сознания: маскировать внутреннюю пустоту и моральный релятивизм красивой словесной шелухой, наивно полагая, будто внешняя форма способна заменить отсутствие подлинного духовного содержания.

Это была прямая интеллектуальная дуэль. Он намеренно использовал сложнейшую философскую конструкцию, ожидая робости, запинки или женской покорности.

Я подняла подбородок и встретила его взгляд. Ответ уже складывался в голове; мне оставалось удержать голос, чтобы он прозвучал так, как я хотела.

Я заговорила на глубоком, сакральном классическом арабском языке — языке его победоносных предков:

— Вы принимаете подлинную глубину за пустоту, мой господин. Представьте путника, который принимает цветущий оазис за мираж и уходит прочь, мучаясь жаждой. Метафора — это глубочайший колодец познания. А то, какую мудрость из него извлекут ваши благородные сестры, зави-

сит лишь от прочности каната духа, который я вкладываю в их девичьи руки.

Шейх Тарик замер.

На его смуглом лице застыла жесткая маска, зато взгляд изменился. Тарик чуть подался ко мне, словно хотел расслышать еще одно слово. Моя метафора попала в цель: теперь он смотрел на собеседницу, которая приняла его вызов.

Между нами возникло мощнейшее силовое поле взаимного магнетизма. Воздух в зале сгустился, пропитавшись запахом его парфюма — благородной кожи, амбры и жаркого пустынного ветра.

Глядя мне в глаза, Шейх Тарик коротко бросил застывшим принцессам:

— Покиньте класс.

Шейха Марьям, Шейха Дана и Шейха Нура, едва дыша, бесшумно выскользнули за порог, плотно прикрыв дубовые створки.

Мы остались наедине. Шейх Тарик стоял так близко, что я ощущала исходящий от него жар. Он пристально всматривался в черты моего лица, словно искал малейшие признаки страха или фальши. Я удержала его взгляд. Он едва заметно кивнул, и мне захотелось узнать, что означал этот скупой жест.

Резко развернувшись на каблуках, он без единого слова покинул библиотеку. Двери закрылись с мягким бархатным щелчком.

Я шумно выдохнула, опершись ладонями о прохладное дерево стола. Мои колени мелко дрожали от пережитого адреналина. Эта случайная встреча изменила баланс сил навсегда.

А глубокой ночью в дверь моих покоев раздался властный, тяжелый стук. Накинув халат, я открыла створку. На пороге стоял Карим Аль-Джабер — командир личной гвардии шейха, могучий воин с глубоким шрамом на подбородке.

— Госпожа Анна Бестужева, — глухо, с безупречным почтением произнес Карим. — Повелитель, Шейх Тарик, приказал вам немедленно явиться в его личные покои на мужской половине дворца.

Сердце подскочило к самому горлу. Ночной вызов на запретную мужскую территорию означал одно: время осторожных маневров подошло к концу. Игра вступила в решающую, смертельно опасную фазу.

Глава 4. Дар правителя

Я шла за командиром личной гвардии Каримом Аль-Джабером по пустынным, полутемным переходам дворцового комплекса. Мои шаги беззвучно тонули в густом ворсе драгоценных ковров, но глухой стук сердца отдавался в висках. Мужская половина резиденции. Запретная для женщин территория, где действовали суровые законы патриархального государства и куда посторонним вход карался немедленным изгнанием.

У массивных двустворчатых дверей, инкрустированных серебряной арабской вязью, дорогу нам преградили двое рослых гвардейцев в церемониальных доспехах с тяжелыми алебардами. Они скрестили древки, образовав стальной заслон. Карим молча извлек из нагрудного кармана свернутый свиток и развернул его перед старшим караула. Я успела заметить оттиск личной гербовой печати правителя из темно-красного сургуча. Алебарды мгновенно и бесшумно разошлись в стороны.

Карим нажал на литую ручку тиковой двери и жестом пригласил меня внутрь, оставшись охранять вход снаружи.

Я переступила порог и оказалась в грандиозной личной библиотеке Шейха Тарика. Здесь царил прохладный сумрак, мягко рассеиваемый теплым светом старинных бронзовых светильников. В воздухе стоял благородный аромат старин-

ного пергамента, переплетной кожи, тонкого трубочного табака и терпкого смолистого сандала.

Шейх Тарик сидел в глубоком кресле из темной кожи у мраморного камина. В темно-синей шелковой рубашке европейского покроя с расстегнутым воротом он выглядел менее формально, но от этого его хищная, властная аура ощущалась еще острее. Он остался в кресле и повел взглядом в сторону широкого стола из мореного дуба:

— Присаживайтесь, Анна.

Я повиновалась, сев в массивное кресло напротив и прижав ладони к коленям, чтобы унять дрожь.

На полированной столешнице лежал раскрытый тяжелый фолиант в потрескавшемся от времени сафьяновом переплете. Страницы из тонкого пергамента пожелтели от столетий.

— Переводите, — низкий, рокошущий голос Шейха Тарика зазвучал из полумрака.

Я опустила взгляд на строчки. Передо мной лежал старинный трактат по морскому праву и торговым обычаям Средиземноморья, написанный на французском языке XVIII века со сложнейшей юридической терминологией эпохи Просвещения. Очередное испытание. Правитель лично проверял границы моей эрудиции и глубину лингвистической подготовки.

Глубоко вдохнув, я начала читать с листа, мгновенно переводя витиеватый французский текст на чистейший классический арабский. Языковые конструкции были архаичными,

полными скрытых идиом и сложных грамматических инверсий, требующих максимальной концентрации памяти и интеллекта.

Я увлеклась расшифровкой старинных формулировок. Я произнесла французское название права пользования имуществом, подбирая арабский эквивалент. Только скрип кожи его кресла вернул меня в комнату.

Внезапно мою спину обдало обжигающим жаром. Жар его мускулистого, высокого тела прожег тонкую ткань моего платья. Он стоял вплотную за моей спиной, возвышаясь надо мной, словно темная грозная туча.

Шейх Тарик плавно наклонился к моему плечу. Его горячее дыхание обожгло чувствительную кожу шеи, заставив сердце сорваться в галоп.

— Вы допустили фонетическую неточность во французском слове «usufruit», Анна, — прошептал он прямо мне на ухо на чистейшем парижском диалекте. Его низкий вибрирующий баритон проникал под кожу, парализуя способность сопротивляться. — Первый гласный произнесите с округленными губами. Попробуйте еще раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.